

мировой эротический бестселлер

Елена Рагви

Ангел вожделения

Елена Радви
Ангел вожделения

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166653
Елена Радви Е. Ангел вожделения: Институт соитологии; М.; 2005
ISBN 5-9637-0030-2

Аннотация

Напряженная динамичная история об эротических страстях женщины – женщины-ангела и женщины-дьявола, о противоборстве этих двух начал. Несмотря на предельную откровенность отдельных сцен и эпизодов, автору не изменяет чувство меры и вкуса.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО. СПРИНГФИЛЬД	5
СТИВ	8
МАЙКЛ И ДЯДЮШКА РОДЖЕР	10
А ВОТ И ШИРЛИ	14
ТЕ ЖЕ И АНТОНИ	17
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	21
ЗНАКОМСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ: БАБУШКА МЭРИ	22
САДОВНИК БОБ	24
И ПОЯВИЛСЯ СТИВ	27
ДЯДЮШКА РОДЖЕР	29
И СНОВА МАЙКЛ	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Елена Радви АНГЕЛ ВОЖДЕЛЕНИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ТЫ – АНГЕЛ, БЕККИ!

– Никуда я с тобой не поеду! Ты – дьявол! Ты – убийца! – голос внучки продолжал звучать в памяти Бекки.

– Не смей так говорить! – а вот свой собственный голос Бекки не узнавала. Ей казалось, что там, в кафе, она произносила другие слова, не эти. – Пьяница! Дура!

Бекки скользнула взглядом по циферблату автомобильных часов.

Сколько прошло времени с тех пор, как она перешагнула через распластанную на грязном полу кафе, рыдающую в пьяной истерике свою внучку Кэти? Час, два, вечность?

Ветровое стекло замывало дождем. Быстрые струйки воды, точно в калейдоскопе, превращались то в лицо Ширли, то в лицо Майкла... А этот рисунок напоминал физиономию человека, который перевернул ее жизнь – дядюшки Роджера... Это кто? Опять Кэти, ее Кэти! Боже мой, несчастный ребенок! Это пьяное лицо, разметанные волосы, яростные глаза...

– Это ты убила Ширли! Я все слышала! Ты – убийца! – гудел поток дождя голосом Кэти...

Вода продолжала стекать по стеклу. Нет, это уже не ветровое стекло, это – экран! Экран жизни Бекки! Кто она – Ангел или Дьявол?! Боже мой, какая длинная жизнь...

– Ты – дьявол! – хрипел в пустом салоне автомобиля голос Кэти: – Убийца!

– Гадина! – закричала Бекки. Голова Кэти ткнулась в ветровое стекло, как в стену, и сползла на пол машины... «Я схожу с ума! – подумала Бекки. – Откуда в моей машине появилась голова Кэти? Я схожу с ума».

– Ты дьявол! – хрипела с пола машины Кэти. – Я никогда не перешагну порог твоего проклятого дома! Убийца!

Бекки прижала уши ладонями и закрыла глаза. Исчез экран, пропали голоса...

Тишина! Благословенная тишина.

Сколько она так просидела, неизвестно. Руки вновь потянулись к рулю.

Щетки с трудом справлялись с потоком воды. Нет, так далеко не уедешь. Странная погода – весь день валил снег, а сейчас идет дождь.

Бекки отвела машину к поребрику... Конец света! Всемирный потоп! Дай бог! Может быть, это избавление!

Она выключила двигатель и откинулась на спинку сиденья...

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО. СПРИНГФИЛЬД

Даже в патриархальном пуританском Спрингфильде семейство Гаррисонов считалось эталоном нравственных устоев.

Их большой дом стоял на вершине холма Гринвуд, второй холм венчала католическая церковь Сан-Элизабет. И нередко жители городка спорили – кто из них ближе к богу...

В один из солнечных майских дней к своей подруге, шестнадцатилетней Кэти Гаррисон, приехала на уик-энд Тина, маленькое кудрявое существо с живым лицом, похожим на мордочку сурка.

Вольно раскинувшись на широкой кровати, Тина перебирала каталог мод, в то время как хозяйка дома Кэти возилась в глубоком стенном шкафу, время от времени выбрасывая на кровать отобранные платья... Девчонки дружили чуть ли не со дня своего рождения. И не думали, что придет время расставания. Дело в том, что бабушка Кэти – высокая красавица, Бекки решила взять внучку к себе в Нью-Йорк, чтобы внучка продолжила образование в университете. Кэти частенько гостила у бабушки и была совершенно влюблена в Нью-Йорк. Вся во власти своей радости, она очень страдала при мысли о расставании с любимой подругой Тиной. И, желая смягчить горечь разлуки, решила одарить Тину частью своего обширного гардероба. Но это не так просто – у Тины был гордый и самолюбивый характер. Наивной и доброй Кэти не раз доставалось от подружки.

– Будь у меня голубые глаза, – вздохнула Тина, листая альбом, – я бы носила только голубое.

– Голубая в голубом, – рассмеялась Кэти. – Словно гей!

– Ого! Какое знание жизни, – шутливо нахмурилась Тина. – Погоди, твоя бабулечка покажет тебе гея!

– Очень ты знаешь мою бабулечку... И не называй ее так, пожалуйста! – Кэти высунулась из шкафа, рассматривая на свет креповое платье. – Тебе нравится?

– Нет, – не глядя, отрезала Тина. Она догадывалась о намерении Кэти и еще не решила, как к этому отнестись. – Ну, как же ты прикажешь называть твою бабушку? Отнимает у меня лучшую подругу.

– Бекки. Так и называй – Бекки, – пылко отозвалась Кэти. – Ее все зовут Бекки.

– Представляю, как Бекки тебя вздует, если услышит, что ее обожаемая внучка знает как выглядят геи.

– Дурочка ты, Тина, – Кэти села рядом. – Ты не представляешь мою Бекки. Она просто моя подружка, понимаешь? Мы с ней совершенно откровенны...

В шелест ветвей тополя, что клонился к самому окну, вплелись странные скачущие звуки. Тина отвела взгляд от альбома и вопросительно посмотрела на подругу.

– А, это? – нехотя отозвалась Кэти. – Антони храпит... Иногда он храпит, иногда умолкает. Здоровый такой, кабан.

– Кто это, Антони?

– Кто, кто... Второй муж Бекки, – все так же нехотя ответила Кэти. – Я тебе рассказывала.

– А... бывший шофер? Ну и ну!

– А что?! – воскликнула Кэти. – Это лишний раз говорит – какая моя Бекки. Для нее не имеет значения – слуга он ее или нет. И вообще, чтобы судить о человеке, надо о нем все знать... Я понимаю, Тина, тебя огорчает наша разлука, ты и злишься на Бекки... Но, клянусь тебе, ты непременно приедешь ко мне в Нью-Йорк.

– Приедет бедная подруга на пару дней в гости, облизнется, глядя на вашу роскошь, и уберется, к своим старым ворчунам, к своей работе в каком-нибудь паршивом ресторанчике, – усмехнулась Тина. – Еще неизвестно, захочет ли Бекки принять твою подругу...

– Да ты что?! – в гневе вскричала Кэти. – Добрей моей бабушки нет в мире человека. Она никогда мне не откажет, Бекки – ангел во плоти...

– Может быть, твоя Бекки и ангел, но только семейный, не больше, – Тина продолжала равнодушно листать альбом.

Кэти в гневе отошла от шкафа и под села к Тине на кровать. Сердце ее стучало, краска залила лицо.

– Нет, – произнесла она сквозь слезы. – Бекки помогает всем. Вся ее жизнь – подвиг... Папа говорит: Бекки – пример для подражания, – Кэти помолчала, она крепилась изо всех сил, раздумывая – рассказать подруге об их с Бекки «тайне». – Только ты, Тина, никому не говори... Два года назад Бекки взяла на воспитание дальнюю родственницу мужа – Ширли, у которой родители алкоголики.

– Ширли? Родственница того, кто там храпит? Антони?

– Ага! Ширли самое несчастное существо на свете. Она даже хотела покончить с собой! – Голос Кэти дрожал.

– Ого! – изумилась Тина. – Покончить с собой? Это грех!

– А что ей оставалось делать с такими родителями, – вздохнула Кэти. – А ты знаешь, как Бекки вышла замуж? Она ведь была красавица.

– Она и сейчас красавица, – согласилась Тина. – Выглядит даже моложе тебя!

Девочки рассмеялись. Похвала в адрес бабушки могла помирить Кэти с кем угодно, а тем более с лучшей подругой... Конечно, Тина знала, как вышла замуж бабушка Кэти. История эта взбудоражила весь Спрингфильд настолько, что спустя многие годы ее передавали друг другу, словно особую веху летописи маленького городка. А жителей Спрингфильда не так-то легко чем-то удивить...

Рано лишившись родителей, Бекки воспитывалась бабушкой. И вдруг, шестнадцатилетняя красавица Бекки выходит замуж за человека, который старше ее лет на двадцать. Дюжина семейств, мечтавших породниться с наследницей бабушки Мэри, восприняли поступок взбалмошной девчонки как личное оскорбление. Бекки переехала с мужем в Северную Дакоту. И все равно сплетни не утихали... Кэти обожала рассказывать эту историю, испытывая на себе частичку славы своей загадочной бабушки...

– Я знаю, – проговорила Тина, выслушав знакомую историю. – Тут несомненно... секс!

– Заткнись! – рассвирепела Кэти.

Даже Тине она не могла простить такое. Бекки! Ее ангел, святая одухотворенная душа и... какой-то секс, о котором ни она, ни Тина и толком ничего не знают...

– Конечно, секс! – торжествовала Тина. – Думаешь, если мы живем в Спрингфильде, то и секса нет? Сколько угодно.

– Я тебя стукну, – голос Кэти звучал так яростно, что Тина притихла. – Бекки и секс?! Видно, у тебя самой это на уме, – не унималась Кэти.

Тина захлопнула альбом, приподнялась и обняла Кэти за шею.

– Секс, секс! – дурачила Тина. – Давай с тобой займемся сексом! Как в кино... Давай?

Кэти приняла забаву подруги. Они перекатывались по огромной кровати, дурачась и хохоча.

– Подумаешь, святая Бекки! – Тина устала и тяжело дышала.

– Да, именно святая, – Кэти тоже порядком устала.

Они лежали на спине, раскинув руки и глядя в потолок.

– И потом, какой может быть секс со стариком? – продолжала защищать честь своей бабушки Кэти. – Ее второй муж, Антони, я еще понимаю... А первый, дедушка Майкл, хоть

я его и очень любила... Если хочешь знать, по Бекки все мальчишки в городе умирали. Мне Бекки рассказывала, один из них, Стив, даже хотел покончить с собой, когда узнал, что она выходит за старика.

– Ну?! – Тина живо перевернулась на живот. – Расскажи!

– Вот еще! Это тайна, – ответила Кэти.

– Расскажи! Я могу хранить тайны.

– Поклянись! – вздохнула Кэти.

Тина быстро и охотно поклялась.

– Все равно, – проговорила Кэти. – Я так не могу рассказать, как это делала Бекки...

Два года прошло, а я все помню. А вот передать не смогу, как Бекки. У нее талант... Давай помолчим, Тина, я постараюсь вспомнить детали. Ее интонацию...

Кэти прикрыла глаза ладонью, отдаваясь воспоминаниям двухлетней давности... Как-то они сидели вдвоем – бабушка и внучка...

СТИВ

...Они сидели вдвоем – Бекки и Кэти. Но где? Кажется, в ореховой гостиной. Вечер вдавливался в окно терпким запахом южного мая. Кэти собиралась идти к себе, пора спать. Но никак не могла оторваться от бабки. История со Стивом беспокоила ее задолго до этого приезда Бекки в Спрингфильд погостить, такая необычная история, опутанная множеством самых разных слухов.

– Бекки, ну расскажи, – ныла Кэти, – что тебе стоит?

...Бекки уютно расположилась в плетеном кресле, подобрав смуглые ноги под длинный атласный халат к великой досаде внучки. Кэти нравилось разглядывать бабкины ноги – сухие лодыжки с высоким балетным подъемом.

– Не сердись, Кэти, не сердись, – Бекки прикрыла глаза, отдаваясь покою.

– Ты всегда так, – Кэти чуть ли не плакала. – Я взрослая и знаю, как получают дети! – отчаянно выкрикнула Кэти.

– Действительно? – Бекки заглянула в потемневшие от любопытства глаза девочки. – Ты даже это знаешь? Видно, аист проболтался... В мое время в школе об этом не говорили.

– Ну, Бекки, – хныкала Кэти. – Какая ты... врунья!

– Вот тебе раз! – изумилась Бекки. – И это бабке, которая старше ее почти на сорок лет!

– На тридцать восемь, – поправила Кэти.

– Верно. Считать умеешь.

– Да умею. И память у меня хорошая. Кто обещал мне рассказать в этот приезд про Стива?! Вот и рассказывай!

– Слушаюсь, ваше внучатое величество!

– Нет, нет! – замахала руками Кэти. – Шутками не отделаешься. Почему ты не хочешь рассказать? Что это – страшная тайна? Ты сделала какую-нибудь гадость?

Бекки вздрогнула и бросила на Кэти беспокойный взгляд.

– Ты права. Лучше рассказать все как было, а то нафантазируешь бог знает что. – Она помолчала, словно пыталась вспомнить самое важное.

– Стив был красивый мальчик: стройный, высокий, голубоглазый блондин. У него было мужественное лицо. – Бекки вздохнула. – Еще Стив был очень добрым...

– А где вы познакомились? – перебила Кэти.

– В школе. Он учился на класс старше. Когда Стив проходил по коридору, все девчонки провожали его взглядом. Он слыл душой бейсбольной команды. И в теннисе был непобедим. Спортивный парень. На теннисном корте мы с ним и познакомились. У меня не клеилась игра. Лупила ракеткой почем зря, скакала козой, а мячи пропускала. Вдруг вижу: пришла компания старшеклассников, и среди них – Стив. Им был нужен корт, а я тут дурака валяю. Замечаю, что Стив на меня внимательно смотрит...

– Я думаю! Представляю, какая ты была красоточка: ножки длинные, черноволосая, в белом костюмчике...

Бекки повернула лицо, устремив взгляд в густо-сиреневое окно.

– Так вот, кончили мы играть, и вдруг он идет прямо ко мне. «Привет! А ты ловкая. Но не умеешь выбрать правильную позицию. Тебя надо поучить. Хочешь позаниматься со мной?» Я сразу согласилась... Так все и началось. Играли мы с ним в теннис много. Он был способный учитель, а я способная ученица. После игры шли вместе домой. Стив всегда провожал меня, нес мои ракетки...

– Бекки, – Кэти затаила дыхание и спросила, точно нырнула в ледяную воду, – а у тебя был с ним секс?

– С ума сошла! Секс в наше время считался запретной темой. Тем более в нашем городке, где все друг друга знали. Нет, секса не было. Но нам было очень хорошо вместе и без секса.

– Чем же вы занимались? – не отвязывалась Кэти.

– Ну ты даешь, девочка. – На сей раз в тоне Бекки скользнуло беспокойство. Она отвела взгляд от окна. – Что, кроме секса, уже и заниматься нечем? Мы любили спорт: теннис, плавание... Да мало ли? Конечно в Спрингфильде развлечений не так уж и много...

– Ну вы хотя бы целовались? – допытывалась Кэти.

Бекки досадливо поморщилась. Сильным движением она толкнула качалку.

– Я уже говорила тебе – Стив не такой. Он даже не пытался взять меня за руку... Он был очень нравственный мальчик.

– Ага! – уличающе воскликнула Кэти. – Вот тебе и было с ним скучно. Поэтому ты вышла за другого!

– Ну, это уже вторая история. Ее я не обещала тебе рассказать, – поморщилась Бекки.

– Да, но ты обещала рассказать все про Стива. Вот и рассказывай – почему ты не вышла за него?! Почему он на твоей совести?

– О'кей! Слушай! – с силой вытолкнув себя из кресла, Бекки встала и подошла к окну. Положила локти на подоконник...

МАЙКЛ И ДЯДЮШКА РОДЖЕР

– Ты, наверное, слышала: у нас с моей бабушкой Мэри жил какое-то время ее сын, мой дядюшка Роджер. Он развелся с женой и приехал к нам.

– А почему он развелся?

– Я точно не знаю. То ли он изменил ей, то ли она ему... Нас, детей, не посвящали в тайны взрослых. Так вот, у дяди был друг, звали его Майкл, жил он в Северной Дакоте. Майклу было тридцать шесть лет. Года за два перед тем, как я его узнала, он овдовел. И очень страдал от своей потери. Дядюшка Роджер решил пригласить Майкла в Спрингфилд, помочь отвлечься от дурных мыслей. Майкл приехал и, действительно, как-то успокоился. Роджер постарался. Я же тогда была свободна от школы...

– А где был Стив? – перебила Кэти.

– Стив в тот год поступил в университет, в Лос-Анджелесе...

– Там, где учился и мой папа?

– Да. Стив так мне нахваливал этот университет, что я была рада, когда мой сын, Питер, изъявил желание...

– Мой папа Питер, – поправила Кэти.

– Вот еще, – Бекки раздраженно повысила голос, – мой сын и есть твой отец... Ладно, совсем меня запутала... Так вот, Стив в том году уехал учиться в Лос-Анджелес. И мне было скучно. Я принимала участие во всех забавах, что устраивал дядя Роджер для своего приятеля Майкла. Майкл особенно любил удить рыбу. Мы ездили на велосипедах к озеру, там пересаживались на катер... Ах, какие были беззаботные дни! Майкл и в теннис играл неплохо. Еще любили мы ездить верхом... Майкл на глазах стал преображаться. Был он худой, бледный, на редкость утонченный, с интеллигентными манерами. Неземной какой-то. Он много путешествовал и мог об этом увлекательно рассказать. Вообще, рассказчик он был превосходный: я могла слушать Майкла бесконечно... Господи, что я тебе его описываю, будто ты своего дедушку не помнишь! Он всегда был таким, – Бекки на мгновение умолкла.

Кэти вздохнула.

– Бекки, не молчи! Дальше! – потребовала она, боясь, что бабушка передумает, перестанет рассказывать.

Бекки выпрямилась. На фоне потемневшего окна она выглядела сказочной принцессой. Так подумала Кэти и рассердилась на себя, вновь стараясь сосредоточиться.

– Так вот, как-то я обратила внимание, что Майкл на меня пристально смотрит... ну, не как обычно. Однажды, когда мы были одни, дядя Роджер сказал мне: «А что, если ты выйдешь замуж за Майкла? Ты уже взрослая, тебе шестнадцать лет, кончаешь школу. Вполне можешь стать женой». Меня как громом оглушило: «Дядя, но он же старик!» Дядя Роджер засмеялся: «Тридцать шесть лет? Самый прекрасный возраст. Он будет любить тебя по-настоящему... Ну выйдешь ты за Стива. Через год-два разойдетесь, поверь мне. Знаю я эти романтические браки слюнявой молодежи. А Майкл – то, что надо! Будет оберегать от жизненных невзгод. Поверь мне – брак будет удачным. А твой отказ погубит Майкла». Я же думала о Стиве – ведь я была влюблена в него, и слова Роджера мне казались бредом. Однако с тех пор я начала присматриваться к Майклу внимательней. И я поняла, что очень нравлюсь ему, а мой отказ и вправду может погубить его, он так много пережил, бедняга... Как-то мы отправились удить рыбу вдвоем – я и Майкл. Тогда-то, в лодке, Майкл и признался мне в любви, предложил стать его женой. Он был смертельно бледен, черные глаза его горели. Мне показалось, что откажи я ему сейчас – и он утонится. Я согласилась. Могла ли я поступить иначе?

Бекки нервно ходила по затемненной комнате в своем атласном светлом халате. Казалось, по гостиной скользит привидение. Голос ее звучал необычно, с какой-то хрипотой... «Как она переживает, – подумала Кэти. – Прошло столько лет, а она все не может забыть. Дура я такая, пристала к бабушке со своим любопытством... »

– Ой, Бекки! А как же Стив?! Ты сказала ему? – не справилась с собой Кэти.

– Да. Как раз Стив приехал на каникулы... Я все рассказала. Стив долго глядел на меня, потом побежал. В тот же вечер его вытащили из петли. А я с Майклом уехала в Северную Дакоту... Вот и все про Стива.

– Ты его больше не встречала?

– Нет.

– И не жалела, что вышла за Майкла?

– Ты ведь помнишь дедушку. Разве я могла жалеть?

Кэти молчала... Ей казалось, что Бекки что-то недоговаривает. Самое важное. Конечно, история Стива печальна, но Бекки что-то скрывает...

С тех пор эта недоговоренность, эта тайна преследовала Кэти. Сдерживала ее от откровения даже с самыми близкими подругами, которых всегда волновала судьба красавицы Бекки, как и всех в тихом и уснувшем Спрингфилде.

Тина положила ладонь на плечо своей лучшей подруги Кэти.

– Так и будешь молчать? Сколько можно ждать? – нетерпеливо проговорила Тина. – Я ведь жду. Расскажи, наконец, о своей загадочной Бекки.

Кэти отвела от лица руку, повернулась к подруге и произнесла вяло:

– Знаешь... Ничего не могу вспомнить. Память как отшибло!

– Вот еще! – чуть ли не заплакала Тина. – Как тебе не стыдно?

Кэти вздохнула.

– Давай договоримся – ты приедешь ко мне в гости, в Нью-Йорк. И я тебе все-все расскажу.

– Когда это будет! – разочарованно протянула Тина.

– А ты постарайся как можно быстрее... Хотя бы месяца через три, а, Тина?..

... Не прошло и трех месяцев, как огромный черно-серый автобус, покрытый пылью долгой дороги, причалил к гейту Центрального бас-терминала, что хищным зубом надкусил угол 42-й стрит и 7-й авеню.

Тина поднялась на онемевших от долгого сидения ногах и стянула с полки сумку.

Выйдя из автобуса, она очутилась в крепких объятиях Кэти. Тина отступила на шаг, с восхищением оглядывая подругу. Вместо круглолицей, веснушчатой девчонки с двумя русыми косицами перед ней стояла стройная блондинка в элегантном костюме. Чудеса и только!

– Умница, вот умница, что приехала! – смеялась Кэти. – Я мчалась сюда и сомневалась – вдруг ты передумала?! – Кэти льстило изумление подруги.

– А-а... Соскучилась, – и Тина была счастлива. – Ну, Кэти... ты, оказывается, просто красавица. Вся в свою бабушку Бекки.

– Еще бы! Одна порода, – Кэти отметила про себя, что Тина надела подаренный ею свитер.

После короткого сопротивления Кэти перехватила у своей гостьи сумку и подруги направились к стоянке.

– Это твоя машина? – восхищенно пролепетала Тина. Кэти по-хозяйски поставила сумку на капот голубого «линкольна» и стала рыться в сумочке, разыскивая ключи, – чего отвечать, и так ясно, что это ее машина...

Поначалу Кэти хотела сразить подругу своим шоферским мастерством, но когда на повороте их чуть было не подрезал красный «бьюик», Кэти присмирела и вела уже свой «линкольн» осторожно, внимательно следя за дорогой.

Тина вертела головой. Она впервые попала в Нью-Йорк...

– Подожди, ты еще не такое увидишь, – снисходительно приговаривала Кэти.

Они весело болтали. Кэти все допытывалась о друзьях, оставленных в Спрингфильде. Тина отвечала охотно, подробно, она готовилась к этому, зная добрую душу Кэти...

Им повезло. Какой-то джип, подмигивая поворотным сигналом, отваливал от тротуара, и Кэти мгновенно заняла его место.

– Такое бывает раз в жизни, – засмеялась Кэти, – чтобы припарковаться у самого кафе.

– Я не хочу есть, – произнесла Тина.

– Думаешь, я хочу? – ответила Кэти. – Так принято... Я обожаю это кафе. Вечером тут не протолкнуться, сплошь студенты. У меня есть любимый столик.

У окна, рядом с пышной пальмой, скучал мраморный овальный столик с двумя добрыми широкими креслами. Желто-зеленый попугайчик косил красным глазом из-за серебристых прутьев клетки.

– Привет, Антони! – поздоровалась с попугаем Кэти.

– Антони? – Тина засмеялась. – Что-то знакомое...

– Это второй муж Бекки... Он чем-то напоминает мне этого попугая. То ли мыслями, то ли ярким своим барахлом...

– А как поживает его родственница? Помнишь, ты рассказывала, что она даже хотела покончить с собой, помнишь?

– А... Ширли? – отозвалась Кэти и добавил: – Она вовсе и не родственница Антони.

– Как не родственница? – подозрительно заметила Тина. – Ты мне сама говорила...

– Говорила. А теперь я узнала такое про нее... Кстати, мы с Ширли часто приходим в это кафе...

– Ты с ней дружишь? – не без ревности спросила Тина.

– Как тебе сказать? Сама не знаю... Мне ее жалко.

– А что она тоже такая... как попугай?

– Что ты! – Кэти отодвинула кресло и вытянула ноги. – Хотя она похожа на птицу. Гладкие волосы, чуть удлиненный нос, глаза огромные, бархатные... Красивая... А мужчин ненавидит. При одной мысли о сексе ее тошнит.

– А тебя? – засмеялась Тина.

– И меня тоже, – охотно ответила Кэти. – Знаешь, мальчишки все какие-то идиоты. И прыщавые, противно.

Кэти заказала свой любимый фруктовый салат, два дринка и два пирожных «Манхэттен» – виртуозное сооружение из всякой вкуснятины. Тина одобрила. Она тут же принялась за пирожное, отодвинув в сторону салат.

Стеклянная стена кафе вбирала в себя кусок улицы. Тина таращила глаза и удивлялась. Сколько она слышала о Нью-Йорке, но увиденное ее ошарашило...

– Ну так что эта Ширли? – вспомнила Тина. – Она что, живет у вас?

– Нет, бабушка купила ей квартиру. Ширли живет одна. В детстве ее жизнь была сплошным кошмаром. И все из-за мужчин.

Глаза Тины разгорелись.

– Вот как? Расскажи, Кэти... Кстати, ты мне и о Бекки обещала рассказать, помнишь?

– Так ты же только что приехала. – Кэти покачала головой. – Ладно, я тебе расскажу о Ширли. Не знаю, с чего начать?

– Начни с самого начала, – посоветовала Тина.

– Как я сидела на диване?

– Давай. Как ты сидела на диване, – согласилась Тина.

– Ладно. Это было после моего возвращения из Парижа, месяц назад. Я тогда впервые увидела Ширли в аэропорту, до этого мы лишь перезванивались по телефону... Итак, мы приехали из аэропорта, пообедали и уединились в моей комнате... Как сейчас помню, я уютно свернулась калачиком на диване, а Ширли расположилась в кресле напротив...

А ВОТ И ШИРЛИ

...Ширли расположилась в кресле напротив. Она поглаживала пальцами подлокотник, не сводя с Кэти темных горячих глаз.

– Какая ты чистая, непорочная. – Было непонятно: одобряет Ширли новое знакомство или нет.

– У нас была пуританская семья. И Спрингфильд мой – не Париж. Конечно, я кажусь тебе провинциалкой, – проговорила со своего дивана Кэти.

– Почему же? Ты счастливая. Бог тебя любит. Заласканная, благополучная.

Кэти почудилась злость в голосе Ширли. Но тут Ширли умолкла.

– Ты, как кукушка на часах: спряталась в своем домике и дверь захлопнулась, – примирительно проговорила Кэти. – Мне кажется, что ты меня презираешь.

– Это раньше я презирала таких, – охотно ответила Ширли. – Моя жизнь была такая... Поэтому я ненавидела благополучных.

– Какая у тебя была жизнь? Расскажи, Ширли, пожалуйста.

– Зачем? Чтобы озлобить тебя? Бекки убьет меня. Такую чистоту нарушить!.. В твоём представлении мир – рай, а все люди – ангелы. Ты ведь у нас баловень... Наверно, и не плакала никогда...

Кэти смутилась. Она и впрямь не могла вспомнить себя плачущей. Родители ее обожали, единственный ребенок в семье. И бабушка Бекки в ней души не чаяла, приезжала из Нью-Йорка, осыпала подарками. В школе Кэти была первой ученицей – никаких проблем. Впрочем, она однажды ревела – когда поссорилась с Тиной...

– Как же, не плакала?! Даже ревела! – с гордостью сказала она.

– Да ну?! И кто же обидел нашу малышку? – съехидничала Ширли. – Ах ты, чистюля... Так и пройдешь по жизни, не испачкав подошв. Так вот, слушай! – Ширли откинулась на спинку кресла. – Тебя хоть раз били? А трахали в десять лет по три мужика за ночь?

Кэти отпрянула от неожиданности, точно от удара.

– Нет, нет... Что ты? – залепетала она, заливаясь краской.

– Ах нет? – со злорадством проговорила Ширли. – Пьяные родители не торговали тобой? И, голодная, ты не шлялась по городу, роясь в помойках? – Ширли встала с кресла и нервно зашагала по комнате. – Родители... Все, что им было нужно – это деньги на выпивку. Сначала отец торговал матерью... Тогда он еще стеснялся меня – когда приходили клиенты, запирали меня в подвале. С крысами и тараканами. Слышала ты, как верещат крысы? Я швыряла в них все, что было под рукой, и кричала, кричала. Единственное мое спасение было – это лестница. Однажды я, забравшись на лестницу, уснула, свалилась вниз и разбила голову. Отец стал привязывать меня. Так я и сидела на ней часами, пока утром, протрезвев, он не отвязывал меня. А как хотелось писать! Сначала я терпела, потом стала писать прямо в штаны, – Ширли расхохоталась, глядя на испуганную Кэти. – Что, страшно? Послушай дальше... Вскоре мать, всегда пьяная, опротивела мужчинам. Отец недолго раздумывал – нужна была выпивка – и в дело пошла я, – Ширли усмехнулась. – Они надо мной хорошо поработали – что ни ночь, то два-три здоровенных мужика. Вот где кошмар...

– Как ты терпела?! – в ужасе перебила Кэти. – Ты же могла сбежать от родителей, пожаловаться в полицию...

– Куда? В полицию?

– Ну, не знаю, – вконец растерялась Кэти. – Или переехала бы жить к родственникам. Взял же тебя дядя Антони.

– Кто? – не поняла Ширли.

– Антони, – повторила Кэти. – Ты ведь его родственница.

– Здрасьте! – изумилась Ширли. – Ах, вот оно что... Я его родственница? Кто это придумал – Антони или Бекки?

– Ну... мне сказала Бекки, что ты его дальняя родственница.

– О... Еще какая дальняя, – Ширли покачала головой. – Ну и бабушка у тебя... фантазерка. Нет у меня никаких родственников. Жили мы в грязном, забытом богом городке. Жители его были не лучше моих родителей. И весь мир мне казался таким, как мой городок. Что дети знают о жизни? То, что видят вокруг себя... Ты вот думаешь, что мир – это рай, я же считала его сплошным адом...

– Ширли, ну а дальше что было? Бекки рассказывала, что ты хотела покончить с собой. Или это тоже неправда?

– Бекки? – Ширли пристально взглянула на Кэти. – Нет, это – правда... Но не сразу. Я долго терпела, я была вынослива. Научилась сама торговать собой, когда жрать хотелось. Стала проституткой в двенадцать лет. Зато была сыта и даже приоделась... А покончить с собой я решила, когда потеряла всякую веру.

– Потеряла веру? – Кэти казалось, что диван качнулся, точно на волнах.

Ширли засмеялась. Легко, весело, словно они говорили о каких-то забавных вещах.

– После того, что пережила, еще во что-то верить! Хватит, хватит... А то ты можешь свихнуться от моих историй.

– Нет уж, рассказывай. Иначе я действительно свихнусь, – потребовала Кэти.

Помолчав, Ширли продолжила.

– Как-то в город наш приехал один принц. Было ему лет тридцать. Одежда! Манеры!.. Звали его Мануэль. И я стала с ним спать. Платил он хорошо и обучал меня всяким приемам, о которых я и не подозревала. А потом принялся уговаривать меня уехать с ним в Нью-Йорк... «Слушай, девочка, – говорил мне Мануэль. – Поедем в столицу мира, нечего тебе здесь болтаться. Будем жить вместе. А исполнится тебе шестнадцать – поженимся, ты мне подходишь».

Ширли вновь умолкла, Кэти не торопила ее. Но не выдержала и проговорила тихо:

– И он женился на тебе?

– Как же! – хрипло хохотнула Ширли. – Грязный сутенер решил обзавестись семьей...

– Он был сутенер? – Кэти смутилась, впервые в жизни произнесла это слово.

– А я тогда поверила. Я, которая столько видела дерьма! Первому доброму обещанию поверила. – Ширли разволновалась. Она присела на корточки перед Кэти, заглянула ей в глаза. – Понимаешь, я – поверила! – Ширли упала на ковер и разрыдалась.

Кэти растерялась. Она принялась гладить ее волосы.

– Успокойся, Ширли... Ну хочешь, не рассказывай больше...

– Нет, слушай... Мануэль привез меня в Нью-Йорк, в свою шикарную квартиру. После вонючей берлоги, в которой я жила с родителями... Мануэль показывал мне город, вкусно кормил в шикарных ресторанах, накупил всяких вещей. И, представляешь, он ни разу ко мне не прикоснулся за это время, только изредка потреплет по щеке. И я почувствовала себя ребенком. Ко мне пришло детство, которого я никогда не имела. Я стала смеяться. Хохотала как дурочка, когда встречала на улице клоунов. А телевизор я просто обожала, меня за уши нельзя было от него оттащить, особенно, когда показывали мультики... Со стороны я, наверное, казалась дебилкой – в пятнадцать лет реагировала на все, как пятилетний ребенок. Я была счастлива в первый и последний раз. Однажды... Мануэль пришел домой и сказал: «Что ж, Ширли, теперь ты уже не драная кошка. Красивая, юная школьница, как и все мои девочки». И дальше все было точно не со мной... Мануэль нарядил меня во что-то странное, нечто среднее между школьницей и проституткой. Я не сопротивлялась. Я была словно не живая, настоящий манекен... А вечером пришли двое. Один жирный, брюхатый, а другой коротенький, скользкий... Что они вытворяли со мной! То, что было раньше – сказки для

детей... Под утро, когда они ушли, а Мануэль крепко спал, я вышла из дома... Не знаю, куда я шла, зачем. Мыслей никаких. Просто шла, почти бежала. А когда услышала шум приближающейся машины – бросилась под нее. Как Бекки удалось меня не переехать, одному богу известно...

Во время рассказа Кэти Тина расплакалась.

– И Бекки взяла ее к себе? – растроганно проговорила Тина. – Бедная Ширли... – Ну теперь она в богатом доме и может жить как хочет.

Кэти уклончиво молчала. Тина бросила недоуменный взгляд на подругу.

– А почему тебе сказали, что она родственница Антони? – спросила Тина.

– Они не хотели, чтобы я знала о ее прежней жизни. Их можно понять.

– Наверно, – согласилась Тина.

ТЕ ЖЕ И АНТОНИ

Дождь ошалело лупил по Манхэттену. И с высоты десятого этажа автомобили казались озабоченными лакированными жуками. А газон, что делил Парк-авеню на две равные части, представлялся пробормом, выполненным искусным парикмахером. Телевизор надоел, со своей бесконечной рекламой жратвы он и сам казался большим тортом, который сунули в угол гостиной.

Тина в раздражении выключила телевизор и улеглась на тахту рядом с тоскующей Кэти.

Некоторое время они лежали молча.

Неожиданно дверь распахнулась. В ее проеме стояла ослепительная Бекки.

– Что скисли?! – весело крикнула она. – Поехали в ресторан. Быстро одеваться!

Девчонок точно ветром сдуло с тахты.

– Ресторан! – завопили они, приплясывая на ковре и срывая с себя домашнюю одежду.

– О'кей, я жду вас в холле, – улыбнулась Бекки.

В эту минуту она казалась себе такой же девчонкой. И не она, а добрая бабушка Мэри, мать рано умершей матери Бекки, пришла порадовать ее, девочку Бекки, каким-нибудь очередным развлечением...

– Что ты наденешь? – спросила Кэти, роясь в шкафу.

– Сейчас придумаю, – ответила Тина, разглядывая содержимое другого шкафа. Нисколько не смущаясь, она чувствовала уже себя такой же полноправной хозяйкой, как и Кэти...

Вскоре девчонки уже стояли перед зеркалом, внимательно себя разглядывая.

– Я хочу накраситься, – заявила Кэти.

– И я, – радостно поддержала подругу Тина.

Независимые и гордые они предстали перед Бекки. И тотчас гостиную огласил безудержный хохот. Бекки даже привалилась к стене, чтобы не свалиться от смеха.

– Глупышки! Ха-ха... Иметь такие свеженькие, милые личики и сделать с ними черт знает что!

Не переставая смеяться, Бекки схватила девчонок за руки и потащила в ванную комнату.

– Сейчас же смыть всю эту гадость!

– Ну, Бекки! – жалобно заныла Кэти. – Оставь хоть ресницы.

– Ладно, только ресницы, – уступила Бекки.

Тина, поживаясь, ждала своей очереди...

Антони уже сидел в машине.

– Ого, какие куколочки будут сегодня окружать меня! – он рассмеялся.

– Видите, как вы развеселили дядюшку Антони, – с подчеркнутым спокойствием проговорила Бекки. – Давно я не видела его таким веселым.

Тон жены задел Антони, он умолк, но вскоре принялся мурлыкать какой-то мотив. Лимузин мягко нес себя, чуть подрагивая на случайных неровностях дороги. Казалось, автомобиль знал себе цену, снисходительно терпя соседство своих коллег, среди которых не так уж и часто попадались равные ему по происхождению...

Девчонки чинно сидели, выказывая всяческое почтение красавице Бекки, утопавшей в кожаном кресле, похожем на темное облако.

– Что притихли? – дружески проговорила Бекки. – Какие пай-девочки! Нужно вас растомошить. Тони, позабавим наших девочек?

- Хо! – неопределенно выдохнул Антони, что, вероятно, означало полную готовность.
- А как, как? – затараторила Кэти. – Ну, бабушка...
- Как? – Антони отвел взгляд от дороги. – Покажем им топлесс.
- Ну ты скажешь, Тони, – перебила Бекки. – Неужели в Нью-Йорке нет лучше зрелища?
- Топлесс, топлесс! – завопила Кэти. – Мы хотим топлесс, правда, Тина?

Тина помалкивала. Ей было неудобно настаивать, как-никак она гость. Но всем своим видом она поддерживала подругу.

– Нос еще не дорос, – осадил Бекки. – Топлесс им подавай, – но в голосе ее не было строгости.

– Топлесс, топлесс... Бекки, ну пожалуйста, – заныла Кэти. – Тони, пожалуйста... Мы уже взрослые... Посидели бы вы у нас на уроках! Подумаешь, какой-то там топлесс...

– А что у вас на уроках? – живо заинтересовался Антони.

– Как что?! – воскликнула Кэти.

– Кэти, – укоризненно остановила подругу Тина.

– А что?! – не унималась Кэти. – В наше время считается, что детей вредно держать в стороне от жизни.

– Тогда другое дело, – буркнул Антони. – Я думаю, они сами могут нас кое-чему поучить, а, Бекки?

– А тебе лишь бы... – упрекнула Бекки мужа. – Поезжай в Уолт Трейд центр, там прекрасная кухня. И вполне пристойно.

– Ты что, Бекки?! – воскликнул Антони. – Через весь город, ведь всюду пробки?! Я знаю одно местечко...

Вскоре они остановились у какого-то заведения.

– Ох, Тони, – укоризненно покачала головой Бекки.

Ресторан освещался волшебными огнями.

Тихая музыка и шикарная публика волновали девочек.

Метрдотель, бесшумный, как летучая мышь, провел их к столику, у пустой пока сцены. Второй официант подал меню. Названия блюд такие, о которых в Спрингфильде и слыхом не слыхали...

– «Полуночный ковбой»! – вычитала Кэти. – Это такой фильм...

– Это мясо теленка, – важно пояснил Антони. – Для тех, кто понимает.

– Возьмем что-нибудь полегче, – решила Бекки. – Надеюсь, вы не так уж и голодны.

– Вот еще! – не выдержал Антони. – Дай девчонкам настоящей еды. Чтобы кровь разогнать. А потом подольем вина...

Бекки зло стрельнула глазами.

– Оставь, Тони... Ты сейчас в другой компании, – холодно проговорила она.

Антони покрутил головой и сжал губы. Кажется, он сдерживался из последних сил, чтобы не вспылить...

Но в это время со сцены в зал грянула обвальная музыка. Кэти и Тина вздрогнули. Оставив меню, они таращили глаза на сцену, где извивалась девица, чуть старше их, в строгом темном платье. Во время танца она сбрасывала одежду, но это был не стриптиз. Это было вполне пристойное зрелище – девчонка сняла с себя верхнюю часть костюма, обнажая великолепную смуглую грудь... Как она извивалась, что проделывала своей грудью – волшебство и только... Потом на подмогу ей выбежали еще три девицы в одних серебряных трусиках. И начали, и начали вертеть своими грудями. Зал бесновался. От чопорной обстановки не осталось и следа. Все хлопало в такт, подгоняя одобрительными криками мелькающие на сцене женские груди.

– Топ-лесс! Топ-лесс! – скандировали молодые люди за соседним столиком. – Гип, топ-лесс, гип!

Кэти и Тина не могли оторваться от сцены. Все было интересно, но краска стыда заливала их лица. Они не смели взглянуть на старших. Антони пил, отправляя в себя рюмку за рюмкой, отбивая ладонью такт и не сводя со сцены диких глаз. Казалось, он ведет себя так специально, назло Бекки. А та делала вид, что не замечает вызова мужа, захваченная вихрем представления...

В перерыве девочки уткнулись в тарелки. Они не могли справиться со смущением...

Первой овладела собой Тина.

– Им, наверно, хорошо платят? – робко промолвила она.

– Не мало, – Антони наклонился к Тине, хотел что-то еще сказать, но замер, глядя куда-то поверх плеча Бекки. – Вы на этих птичек поглядите! – фыркнул он с пьяным одобрением в голосе.

За соседним столом, среди группы разгоряченных молодых людей, сидели две девицы без верхней одежды. Их голые груди лежали на столе. Какой-то молодой человек ласкал ладонью их теплую кожу...

– Вот это – да! – одобрил Антони потяжелевшим голосом. – Вот что значит сила искусства... А вы сидите себе, как монашки. А ну! Снимайте свои платья! Покажем соседям, что и у нас есть кое-что в запасе! Давай, Тина! Кэти! Бекки, тряхни стариной! Что вы сидите, точно истуканы?!

Девочки натянуто улыбались, переводя взгляд с Антони на Бекки.

– Ну?! – прорычал Антони. – Вон из своих паршивых кофточек!

На его голос стали оборачиваться люди. Их лица, словно бледные осенние фонари, зависали над перепуганными рожицами подруг...

– А ну! Давайте... Раздевайтесь! – выкрикнули из толпы. – Даю сто долларов каждой!

Бекки вскочила на ноги, схватила Кэти за руку и выскочила из зала. Следом за ними поспешила Тина...

В комнате было темно и уютно.

Девочки лежали на спине, уставившись в потолок. Сна не было.

– Не понимаю, – вздохнула Тина. – Бекки – интеллигентная, утонченная... Почему она вышла замуж за этого дядьку?

– Потому что очень добрая! – сердито ответила Кэти.

– Она что – тоже спасла его от смерти? – изумилась Тина. – Он хотел покончить с собой?

– Да! Такой покончит, жди!.. Нет, просто он помог ей...

– В чем?

– Когда болел дедушка Майкл, первый муж Бекки... Бекки рассказывала – она очень переживала, чуть не сошла с ума... У дедушки Майкла был тяжеленный инфаркт, врачи были бессильны. Антони тогда был их шофером...

– Я знаю.

– Ага! – чего-то стесняясь, подтвердила Кэти. – Как-то он сказал Бекки: «Успокойся, перестань изводить себя. Так ему не помочь, только будет хуже и ему и тебе»... И Антони все заботы о дедушке переложил на свои плечи, не отходил от него ни на минуту. И Бекки начало казаться, что дедушке делается легче в его присутствии. Так Антони благотворно действовал на них. Он излучал какую-то необыкновенную силу. И Бекки поверила в него, как в бога... А потом дедушка умер, во сне, совсем без страданий. Вздохнул, и его не стало... После смерти Майкла все для Бекки стало пустым и холодным. Жить не хотелось... Антони взял на себя организацию похорон, прием гостей. Без него бы Бекки совсем потерялась – она ведь даже говорить ни с кем не желала. Антони нянчился с ней, как с ребенком... Потом он

отправил Бекки к нам, в Спрингфильд. А после возвращения настоял, чтобы Бекки развеялась в Париже... Но ехать одной ей было страшно, и Бекки уговорила Антони сопровождать ее...

Кэти умолкла.

– Он согласился? – поинтересовалась Тина.

– Да. За два месяца Бекки пришла в себя, – Кэти оживилась. – Знаешь, я могу поверить, что в Париже любой человек может переродиться... Я сейчас там была с Бекки один месяц, она мне сделала такой подарок за поступление в Университет... Ну, я тебе скажу, и город...

– Не отвлекайся, Кэти, начала про Антони, так заканчивай, – нетерпеливо остановила ее Тина.

– Ну что про Антони? Когда они вернулись из Парижа, Антони собирался было оставить Бекки. Он все для нее сделал... Но Бекки уже не могла без Антони, привыкла, понимаешь... Так они и поженились...

– Выходит, не Бекки спасла Антони, а наоборот – Антони спас ее, – сделала вывод Тина.

– Да, выходит так, – Кэти повернулась к Тине. – Но знаешь, так отблагодарить?! Бекки могла выйти за другого. Она красивая, богатая и не такая уж и старая.

– Конечно, могла и пошикарней выйти, – согласилась Тина.

– Могла, но не хотела... Иначе это была бы не Бекки. Все ее считают святой.

Девочки долго лежали молча.

– Бекки – ангел, – прошептала, засыпая, Тина. – Милый, добрый ангел.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ БЕККИ, ТЫ – ДЬЯВОЛ!

Давно в Нью-Йорке не выпадало таких обильных дождей. Казалось, вода расплющит автомобиль.

– Конец, – вслух произнесла Бекки. – Вот и мой конец! – Она бездумно уставилась в лобовое стекло.

Видения испарились. Экран погас. Исчез образ Ширли, Майкла, Стива, дядюшки Роджера, бабушки Мэри. Исчезла даже Кэти с яростным и прекрасным лицом карающего купидона... Страшное ощущение одиночества. Когда тело сдавливает тысячетонная тишина, подчеркнутая грохотом дождя...

Бекки не было жаль себя. Она знала всю правду о себе, бог наградил ее щедрым даром самоанализа. Редко кому выпадает такая милость. Люди ничтожны – одни заблуждаются искренне, не ведая о страшных душевных муках, что несет подобное заблуждение, другие заблуждаются, потому как сами хотят заблуждаться – так, им кажется, они уходят от тяжелой правды жизни... Бекки не заблуждалась, она знала себе цену. Настало время платить по счетам. Во всем, что произошло, ей некого винить, кроме себя. И обвинения были страшные...

Взгляни правде в глаза, признайся, что душа твоя черна. Тогда легче будет совершить то, что задумала. Сколько лет ее жизнь освещал фальшивый нимб благопристойного духовного совершенства. Теперь он исчез...

И ангел перевоплотился в дьявола!

Когда это произошло? Или она всю жизнь была и тем и другим? С самого детства?!

С детства в ней боролись две стихии. Как два конца одного каната, который перетягивали Кэти и Антони, две силы, что боролись за ее душу. Но если к добру душа тянулась добровольно, то что соизмеримо с искушением дьявола? Могучая, как слепой поток, сила плотского чувства, страшная мощь разбуженной эротики, насытить которую может только смерть...

Эти мысли вяло копошились в ее уже полумертвом сознании.

И лишь живая ее плоть еще трепыхалась, подобно рыбе, выброшенной на берег мощной волной, мучаясь ненужным и праздным вопросом: с чего... с чего все началось?

ЗНАКОМСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ: БАБУШКА МЭРИ

Дом был большой и старый, но Мэри содержала его в идеальном порядке. В этом бабке помогали две прислуги. Одна убирала дом ежедневно. Скребла, мыла, стирала. Другая готовила и довольно вкусно. Однако Мэри постоянно ворчала, придираясь к каждому пустяку, боясь съесть что-то вредное для здоровья... Был и садовник Боб, крепкий валлиец, лет тридцати пяти, низкорослый, с длинными руками и заросшей рожей. Когда Боб встречался в саду с тринадцатилетней Бекки, он скалил желтые зубы, выказывая свое расположение. Мэри больше всей прислуги ценила Боба, так как благодаря его усердию сад стал знаменит на весь Спрингфильд. Нередко у изгороди останавливались посторонние люди, любясь аккуратными дорожками, подстриженными кустами, цветами на причудливых клумбах. Мэри при этом испытывала несказанное удовольствие. Она была честолюбива. Одна мысль, что кто-то ей завидует, приводила старуху в экстаз. Особенно тешила ее честолюбие внучка Бекки.

– Ах, Бекки! Она у вас такая славная, такая красавица! А как учится! – сюсюкали многочисленные подружки Мэри, умильно закатывая глаза.

Бекки не выносила этих дур, но тем не менее, в их обществе вела себя кротко и послушно.

– Да, – гордилась бабушка, – Бекки – ангел, посланный мне в утешение старости.

– Да! – вторили подружки. – Бог одной рукой забирает, а второй одаривает. Хвала господу нашему!

При этом бабушка Мэри величаво молчала. А что говорить? Весь городок помнил о том весеннем дне, когда погибли в автомобильной катастрофе ее дочь со своим мужем, оставив сиротой девятилетнюю Бекки. С тех пор минуло четыре года, и тяжесть потери уступила место необузданному тщеславию бабушки Мэри. Более того, проявление жалости к погибшим детям со стороны всяких доброхотов выводило старуху из себя, если при этом не вспоминали о страданиях, что выпали на ее долю. Не вникая в свойства души тщеславной старухи, люди относили ее недовольство за счет скромности характера. Словом, бабушка Мэри всем дурила голову. Исключение составляла Бекки. Внучка, хоть и тешила самолюбие бабки своими достоинствами, но, тем не менее, Мэри ее действительно обожала... Итак, Бекки, как и сад, питала тщеславие спесивой старухи. Впрочем, Бекки и впрямь была необыкновенно красивая девочка.

– Бекки должна сниматься в кино! – уверяли бабкины приятельницы. – Вы только посмотрите на ее ножки. А эти жгуче-черные волосы, а личико, личико...

К тому же Бекки была первой ученицей, обладала незаурядной памятью и азартом. Но что преобладало в характере Бекки тех лет, так это – любопытство. Ко всему – и тому, что давали ей учителя, и тому, что называлось прозой жизни: почему так мерзко скалится Боб, когда видит Бекки? И чем занимается он по ночам там, в своем домике в конце сада? А бабуля? Почему она так часто выходит из своей спальни раскрасневшись, с блуждающими глазами?

Последнее почему-то весьма беспокоило ее любопытство, распаляло фантазию. Это и понятно – бабка была для Бекки в те годы главным человеком. Задав однажды простодушный вопрос, Бекки получила невнятный и недовольный ответ. И она поняла – бабка что-то скрывает. Это открытие еще больше возбуждало ее любопытство. Пользуясь тем, что бабка уходила в церковь, Бекки проникала в ее спальню. В который раз она осматривала все, что можно было осмотреть.

Спальня была большая, затененная шторами, но света хватало. Огромная кровать, шкаф, маленький столик с лампой, кресло, старинное бюро черного дерева с бронзовыми ручками...

Содержимое шкафа Бекки знала хорошо. Обычно Мэри доставала из него очередной подарок: какое-нибудь платьице, торжественно вручала его внучке, требуя тут же примерить. За это время Бекки успевала разглядеть все, что находилось в шкафу. Да Мэри ничего и не прятала – дверцы шкафа всегда оставались незапертыми. Так же Бекки была осведомлена о содержимом туалетного столика: в его ящике хранились шкатулки с украшениями... Таким образом, туалетный столик, как и шкаф, вряд ли таили бабкин секрет. А вот бюро...

Узорная дверца в бронзовом окладе всегда была наглухо заперта. Бекки просто изнывала от любопытства. Но как овладеть ключом, который бабка наверняка хранит при себе. Бекки строила планы – подсыпать бабке снотворное? А может протянуть веревку, чтобы старушка упала, ушиблась и слегла? Нет, все это было не то. И Бекки злилась... Бабкина тайна занимала все ее мысли, даже в школе дела пошли хуже.

Но помог случай.

Однажды, когда бабка заперлась в своей спальне, с улицы раздался истошный вопль. Это голосила рыжая Сью, бабкина подруга, тетка сварливая и злая, к тому же обладавшая мерзким скрипучим фальцетом.

– Мэри, Мэри! – орала рыжая Сью. – Скорей сюда! Петерссонов ограбили. И убили старика.

Бабка выскочила из своей спальни и бросилась на улицу. Следом рванулись и обе прислуги, что копошились во дворе. Новость, конечно, была из ряда вон – тихий, благопристойный Спрингфильд и вдруг – убийство...

Поначалу Бекки тоже хотела помчаться следом, но сработала мысль – вот подходящий случай, и, возможно, единственный: а что если бабка оставила бюро открытым?!

Бекки вбежала в спальню... О, радость – дверцы бюро были распахнуты. На верхней полке лежали папки, а нижние были до отказа набиты какими-то фотографиями. Сколько их там? Десятки? Нет, сотни... Наверно, это старые семейные фото, которыми так любит хвастать Мэри. А вот папки наверняка скрывают какую-то тайну! Бекки лихорадочно соображала – унести их к себе, разобрать или повременить до другого случая. В это мгновение ее взгляд упал на фотографии, и Бекки точно пронзило током. Она зажала себе рот ладонью, чтобы не завопить – фотографии ошеломили ее... Мгновение, и она принялась торопливо распихивать фото по карманам. Она брала карточки из глубины ящика, чтобы не очень бросилось в глаза, благо, они мало чем отличались между собой...

Подстегнутая страхом, что бабка вот-вот вернется, Бекки бросилась к себе, на второй этаж, и спрятала фотографии под ковер.

Бекки понимала, что ее задержка в доме при таком известии, как убийство старика Петерссона, может хитрую бабку навести на мысль, что... И она побежала к дому Петерссонов.

Действительно, этих Петерссонов ограбили, но старик был жив, он просто упал в обморок от испуга и расшиб голову. Что и ввело в заблуждение ротозеев, которых сейчас разгоняла полиция. Бабушки Мэри в толпе не было, а воротясь домой, Бекки застала старуху в жутком смятении. Едва завидев Бекки, бабушка набросилась на нее с допросом:

– Ты заходила ко мне в спальню?

– Вот еще! – Бекки достойно выдержала ее взгляд. – Что я там забыла? – Она отметила про себя, что дверь спальни наглухо закрыта...

САДОВНИК БОБ

Запершись у себя и лежа в постели, Бекки рассматривала добытые фотографии.

Еще тогда, в спальне бабки, Бекки решила, что это хоть и странные, но семейные фото. Но нет, то было совсем-совсем иное: какие-то незнакомые женщины и мужчины, совершенно голые, в странных позах... Бекки вытаскивала одну картинку за другой и с интересом разглядывала. Все ее тут поражало до дрожи, до головокружения. И позы обнаженных людей, и уплывающие глаза, и разверзнутые в немом крике рты, а главное, что по-настоящему вызывало у нее дурноту, так это мужские гениталии – длинные и толстые, точно вагоны АМ-ТРАКА, что проносились мимо сонного Спрингфильда, исчезая в сиреневой дали. Эти гениталии возвращали к себе взгляд Бекки, куда бы она не уводила глаза, точно обладали магнетической силой...

В ту ночь Бекки уснула под утро. Назавтра, в школе, она была на редкость рассеянна и учителя не трогали ее: девочка под впечатлением разбоя, что учинили в доме Петерссонов.

А Бекки тем временем занимала свое воображение картинками и непонятное состояние охватывало ее.

Тщательно пряча фотографии днем, Бекки добрую половину ночи проводила за их изучением. Низ живота сладко ломило, жгло. Но вот ладонь Бекки поползла по животу, все ниже и ниже. Тронула жесткие сухие завитки и дальше, проникая пальцем все глубже и глубже... Ох, как невыносимо сладко!.. Хотелось стонать от охватившего тело блаженства. Бекки сдерживала стон, боясь разбудить бабуку... Блаженство распирало ее, зудило нестерпимым внутренним жаром. Сердце стучало, отдаваясь куда-то в горло, голова пылала, в глазах плавали оранжевые шары... Казалось, такое сдержать нет никаких сил... И тут, достигнув самой высшей точки, она почувствовала нестерпимое блаженство. И Бекки не выдержала, сцепив зубами угол подушки, она застонала или, скорее, замычала, глухо, жарко, точно воспаряя над измятой своей постелью под высокий потолок спальни старого дома...

Некоторое время она лежала совершенно оглушенная неизведанным до сих пор состоянием, тяжело дыша, постепенно успокаиваясь...

Никогда она еще так страстно не ждала ночи. Ей хотелось повторять и повторять это волшебное состояние. Не отводя взгляда от фотографий, она будила свое воображение. Бекки приспособила зеркальце туалета таким образом, что видела целиком свое упругое маленькое тельце, копируя позы, изображенные на фотографиях...

Теперь она засыпала лишь после того, как добивалась высшего блаженства, успев спрятать фотографии под ковер, чтобы утром вновь рассматривать их, чувствуя томление и сухость во рту.

Ее существо всецело отдалось ночной жизни.

Бекки и не догадывалась, как она переменялась...

– Ах, Мэри, – скрипела своим фальцетом Сью, – как повзрослела Бекки! Она становится настоящей женщиной. Томный взгляд, походка... И в ее-то годы?

Бекки стала замечать, что мальчишки в школе, да что там мальчишки – взрослые мужчины: учителя, гарды, просто прохожие, – как-то странно глядят на нее. И эти взгляды приводили ее в трепет...

Упоение перед зеркалом понемногу перестало удовлетворять ее. Весь день она чувствовала одновременно слабость и возбуждение, это изнурило. Хотелось еще, но не так!

И однажды Бекки решила: «Хочу мужчину!»

С тех пор желание мужчины стало преследовать ее, как наваждение.

Бекки бросала на встречных мужчин такие взгляды, что сама пугалась. Здравый смысл ей подсказывал – если так будет продолжаться, в городе заговорят о ней. Но что делать? Прекратить ночные вожделения она была не в силах, выпустила джинна из бутылки...

Как-то, стоя перед зеркалом, она представила в своем воображении не очередную картинку, а... Боба! Да, мерзкого Боба, который в последнее время бросал такие взгляды, что в Бекки просыпалось состояние, близкое к тому, что она испытывала, разглядывая картинки. Боб стал ей сниться. Во сне он проделывал с ней то, что Бекки видела на бабушкиных фотографиях. Она просыпалась среди ночи измученная, жалкая... Боб! Ей нужен Боб! Почему Боб? Возможно оттого, что тот был рядом, в домике, что стоял неподалеку, в глубине парка...

Бекки лежала в постели, вслушиваясь в случайные звуки уснувшего дома. Страсть распяляла ее воображение. Она нетерпеливо запустила руку, привычно расслабилась, стиснула зубы, но блаженство не наступало, она не чувствовала удовлетворения. Промучившись, Бекки со злостью убрала руку и встала. Накинула халатик и выскользнула из дома. Ночь была темная, безлунная и душная. Жаркий воздух не отрезвил Бекки. Она бродила по парку, а ноги вели ее к домику Боба.

Бекки заглянула в окно, но в темноте ничего не увидела, тронула дверь – не заперта. Бекки вошла и остановилась, вглядываясь в темноту. Дом был переделан Бобом из сарая и имел одну комнату. Приглядевшись, Бекки различила в темноте кровать и распластанного, посапывающего Боба...

Никакого страха, никакого сомнения, только истома, что распяляла желание, и Бекки прилегла рядом с Бобом. Тут она увидела, что Боб совершенно голый. Некоторое время Бекки лежала не шевелясь, словно испытывая свою волю. Боб продолжал посапывать. Но когда ее ладонь прикрыла вялый и теплый член, Боб перестал сопеть и шевельнулся... Медленно открыл глаза, скосил их в сторону Бекки... Дернулся всем телом, понял, что это не сон... Бекки, скользнув взглядом по его груди, закинула ногу, приподнялась и села на него верхом.

Когда все кончилось, Боб скинул с себя Бекки и заметался. Сейчас он был и страшен, и жалок, в ужасе представляя последствия содеянного. Бекки громко хохотала...

– Чего скалишься?! – громыхал Боб. – Сучка! Подставила себя, дура, теперь ржет! Может еще... это... в полицию заявишь, что я тебя... изнасиловал?! – эта мысль поразила Боба. Он замер, уставившись на Бекки бычьим взглядом.

– Нет, не заявлю, если изнасилуешь еще! – вырвалось у Бекки.

– Чего?! Еще захотела, сучка! – Боб поднес к ее лицу огромный кулак. Бекки цепкохватила его руку и прикрыла кулак поцелуями.

– Ну ударь меня, ударь! – страстно прошептала Бекки.

– Что еще? – испугался Боб. – Я... я... потом скажешь, что я тебя избил?

– Не скажу, не скажу... Ну разочек шлепни меня, прошу тебя, что тебе стоит? Ты такой здоровый, сильный... А мне, мне будет так приятно и совсем не больно, клянусь тебе. Мне очень хочется...

– Ты, верно, сумасшедшая! – растерялся Боб.

Он ошалело взирал сверху на это маленькое голое существо, ворвавшееся среди ночи в его берлогу...

Бекки, казалось, была в забытии, лицо ее пылало, а губы были сухие и холодные.

– Не хочешь меня стукнуть... Ладно, ладно. Ах ты глупенький, такой взрослый и такой глупенький, – лепетала она. – Ну иди ко мне. Я не скажу никому. Мне так сладко с тобой, зачем же я скажу?! Никто не узнает, никто, что ты лишил меня невинности. Это будет наша тайна, – Бекки прижималась к Бобу, исступленно целуя волосатую грудь. Она опускалась все ниже – живот, пах и вот, наконец-то...

Боб больше не сопротивлялся. Тяжело дыша, он отдался ее ласкам.

Вихрь новой жизни захватил Бекки, завертел ее своим сумасшествием. Каждую ночь она приходила к Бобу и тому стоило немалых усилий прогнать ее под утро. Хорошо, что больше не приставала с желанием отведать тумачков. А то Боб и вправду перепугался – что за дикое желание, у Боба еще таких женщин никогда не было – наоборот, попробовал бы он кого-нибудь из них вздуть – такой скандал подняли бы, держись. А эта? Ладно, наверняка тогда что-то на нее нашло...

Дневная жизнь Бекки превратилась в ожидание ночи. Встречая Боба днем в саду, она с замиранием сердца прислушивалась к себе: ей хотелось отдаться ему здесь, в саду, на глазах у всех. И стоило большого труда пройти мимо с равнодушным видом. Боб же, получая от Бекки все желаемое ночью, днем даже не смотрел в ее сторону. Это пугало Бекки.

«Может быть он не хочет меня больше?» – в страхе думала она и, едва дождавшись бабкиного сна, бежала в конец сада.

Нет, Боб ждал ее.

Бекки ловила себя на том, что думает о Бобе все чаще и чаще, уже не связывая эти мысли с постелью. Ей хотелось посидеть с Бобом в саду просто так, поболтать – ведь они почти не разговаривали, оглушенные силой страсти... Ей даже захотелось прогуляться с Бобом под руку по городу. Она, красавица Бекки, из одной из самых уважаемых семей Спрингфильда и этот корявый валлиец, с чудовищными зубами.

Лаская его по ночам, Бекки шептала: «Мой повелитель!»

Боб в ответ лишь мычал, не в силах произнести что-либо внятное.

Закончилось это так же внезапно, как и началось. Отлетело в небытие, словно и не было! Боба как и не стало... Нет, он конечно никуда не делся, также работал в саду, но полностью исчез из жизни Бекки, как только появился Стив.

И ПОЯВИЛСЯ СТИВ

Стив ворвался в жизнь Бекки, одарив ее первой любовью.

Первая любовь! Ее чистый росточек проклюнулся сквозь похоть раннего сексуального буйства, выпрямился и упрямо пророс, закрывая собой все порочное, что стояло на его пути. Они потянулись друг к другу с неудержимой силой. Мир существовал теперь только для них, сгустившись до крошечного размера Спрингфильда.

Им постоянно хотелось быть вместе. Потребность видеть друг друга побеждала все. Боб больше не существовал, не было мерзких, дурманных фотографий... Был только Стив. И странно – находясь в упоительном плену первой любви, Бекки проявляла себя невинной, словно никогда не было ее неудержимой ранней эротической склонности. Не потому, что Стив не волновал Бекки, нет, а от того, что он принимался своей возлюбленной целиком. Тот случай, когда духовное начало затмевает порыв страсти своей целомудренностью. Они так подходили друг другу: светловолосый, стройный Стив и чернокудрая красавица Бекки, что весь пуританский городок испытывал гордость за своих милых детей. Им предсказывали счастливое будущее. В них видели воплощение мечты первых переселенцев этого прекрасного уголка планеты...

– Мэри, дорогая, для нашей Бекки уже все определено. Боже, пошли им пятерых детей! – ликовали бабушкины подруги.

– Аминь! – соглашалась Мэри. – Но Бекки совсем еще ребенок, ей только четырнадцать лет, – Мэри еще не знала, как отнестись к подобной ситуации, но Стив ей нравился. Еще бы – семья Стива одна из самых уважаемых в городе, а для Мэри это самый важный довод...

В этом году Стив заканчивал школу. По мере приближения весенних экзаменов, молодые возлюбленные становились все более печальными – не за горами разлука. По окончании школы Стив собирался продолжить образование в одном из престижных университетов, расположенном далеко от их городка.

– Бекки, ты будешь ждать меня? – Стив знал ответ, но слышать его лишний раз было для него блаженством.

Ветерок шелестел листьями высоких кленов, словно торопя угасающий день.

– Конечно! – Бекки обхватила колени и положила на них подбородок. – Я-то буду, а вот ты?

– Я?! Ты сомневаешься? – Стив укоризненно взглянул на Бекки.

– Там будет много красивых девочек, и ты забудешь меня.

– Нет, Бекки. Я никогда не смогу забыть тебя. А девочек красивых там не будет, – он видел, как уверенно блеснули черные глаза Бекки. – Таких красивых, как ты, нет нигде в мире. И там тоже.

– А ты будешь писать мне? – сияла Бекки счастливой улыбкой.

– Каждый день.

– Я буду усиленно заниматься в школе, и время пролетит быстро.

Солнце село за озеро и потухло, точно свеча в воде. Сумерки принесли прохладу.

– Тебе не холодно? – Стив осторожно коснулся обнаженной руки Бекки. От его прикосновения Бекки вдруг охватил страх: неужели все это скоро пройдет?

– Стив, зачем ты уезжаешь? – на смуглой щеке Бекки слеза оставила влажную дорожку. В ее голосе было столько отчаяния, словно она предчувствовала беду.

– Если хочешь, я останусь. Только не плачь, прошу тебя.

– Прости! Я понимаю, что так надо... Но мне страшно расставаться с тобой.

– Бекки, – голос Стива боролся со стоящим в гортани комом. – Если тебе будет очень плохо, ты напиши. Я брошу все и вернусь...

Тогда еще Стив не знал, что всю его жизнь, его любовь, сломает родной брат покойной матери Бекки – дядюшка Роджер.

ДЯДЮШКА РОДЖЕР

Появлению в Спрингфильде Роджера предшествовал поток писем, который обрушил он на свою мать – Мэри. Письма сына она читала с волнением, а порой и со слезами, наедине, скрываясь от посторонних глаз. Не дай бог, кто-нибудь догадается о ее горе, кольнет ее поверженное честолюбие. Неудачи принижают достоинство, считала спесивая старуха.

До этого Бекки редко встречалась со своим дядей. В последний раз Роджер приезжал на похороны погибших в автокатастрофе родителей Бекки. Тогда его сопровождала Сарра, жена, беленькая, худенькая, с ласковыми глазами.

Испуганная, горюя о смерти папы и мамы, Бекки почти не покидала своей комнаты. Многие родственники, что приехали на похороны, ее так и не увидели. Правда, дядю Роджера и его жену Бекки, хоть и смутно, но помнила.

Как-то, после очередного письма, Мэри со вздохом заметила:

– Роджер едет к нам. – И, помолчав, прибавила: – Поживет пока с нами.

– С женой? – поинтересовалась Бекки.

– Он бросил ее! – Мэри расплакалась.

Бекки прильнула к бабке:

– Бабуля, перестань. Как это «бросил»? Скажи, ну пожалуйста. Он что, развелся с ней?

Мэри что-то несвязно лепетала об адвокате, к которому обратился Роджер, о разделе имущества. Бекки в этом мало смыслила.

– Что я скажу? Что я всем скажу? – причитала Мэри, добавляя в сердцах: – Уж лучше бы он умер.

Раньше ее тщеславие тешил хотя бы ореол мученицы. А сейчас? Развод сына! Кошмар! Такого позора бедной Мэри не выдержать. «Ах ты, лицемерка, – по-взрослому думала Бекки. – Развод сына ее смущает. А сама собирает эти фотографии», – однако странности поведения взрослых ее не очень занимали.

– Бабуля, а ты ничего никому не рассказывай. Просто Роджер соскучился по мамочке и приехал навестить старушку!

– Кто в это поверит? – вздохнула Мэри. – Он же едет один. А где Сарра?

– Пусть сам Роджер и выкручивается. Он ведь умный.

– Умный?! – Мэри разозлилась. – Умные не разводятся! – решительно заявила она.

Тем самым лицемерка-бабушка и ответила на недоуменный вопрос своей внучки. Но Бекки еще не понимала житейской уловки такого заявления. Она была уверена, что дядя Роджер найдет выход, не подведет свою старую мать – бабушку Мэри, для которой общественное мнение было превыше всего...

Он появился рано утром в воскресенье и переполошил дом настойчивым звонком.

Бекки, зевая, в пижаме вышла из своей комнаты и, стоя на площадке второго этажа, наблюдала, как Мэри отворяла дверь, как появился дядя Роджер, как он поставил чемодан и, смеясь, обнял мать. Потом поднял глаза и, увидев длинноногую Бекки в голубой пижаме с разметанными со сна черными волосами, открыл рот от удивления.

– Так это же Бекки! – восхищенно воскликнул Роджер. – Какая ты стала большая, Бекки, какая красивая!

– Правда, красотка? – Мэри не удержалась от хвастовства.

– Хороша, ничего не скажешь, – протянул Роджер. – Ну иди ко мне, моя племянница!

Бекки стало весело. Она почувствовала себя совсем маленькой. Смеясь, она съехала по перилам прямо в объятия Роджера, и он, хохоча, закружил ее по комнате.

С дядей было легко и интересно. Казалось, Роджер всерьез решил заняться воспитанием племянницы. Они гоняли на велосипедах к озеру, удили рыбу, бродили по зоопарку, ездили верхом... Бекки понемногу стала забывать Стива. Его образ – застенчивый, угловатый – затирался в памяти Бекки – намотавшись за день, Бекки сваливалась в постель и засыпала, едва донеся голову до подушки.

Общение с Роджером носило шуточный характер. Дядюшка забавно рассказывал о жизни большого города, вспоминал смешные истории, что приключались с ним и его друзьями. Бекки, стараясь не уступать дядюшке, припоминала забавные эпизоды своей школьной жизни. Они говорили обо всем, кроме, пожалуй, семейной жизни дядюшки. Бекки понимала, что Роджер не хочет омрачать печальными воспоминаниями счастливые дни. И, по своему, это ценила.

Осень подкралась незаметно, с редким для их южного городка ненастьем.

Начались занятия в школе, а после школы приготовление уроков. Кончилась беззаботная жизнь.

Роджер притих. Он часами задумчиво сидел у камина, нехотя разговаривал. Бекки встречалась с ним только за столом или у телевизора.

Однажды вечером, Бекки уже собиралась было подняться к себе, как почувствовала странное ощущение. Ее затылок, казалось, тяжелеет, клонит голову.

Бекки резко обернулась и увидела глаза дядюшки Роджера, взгляд которых был направлен в ее сторону. Большие, манящие глаза точно заполняли всю комнату. Но это были глаза совершенно незнакомого чужого мужчины. Бекки не могла обмануться, она хорошо изучила смысл такого взгляда, хотя и поотвыкла от него.

В тот вечер Бекки долго ворочалась в своей постели, не могла уснуть. И, вконец измученная пустой борьбой, включила ночник, достала из-под ковра полузабытые фотографии. Долго их рассматривала. Как бы впервые, как бы впервые... В полуночных тенях, казалось, фотографии оживают, двигаются, даже переговариваются. Один голос она могла узнать, он принадлежал ей, Бекки, а второй... ей так захотелось, чтобы это был Стив, ее милый, любезный сердцу Стив. Ну, если не Стив, то пусть будет Боб, пахнувший потом и страстью... Но нет, в ее сознании, о ужас, проявлялся дядюшка Роджер. Господи, неужели она такая испорченная? Бекки отложила фотографии. Ее руки поглаживали набухшие соски горячей груди, дразня и увлекая в другой мир. Потом сползли с груди, протянулись вдоль живота, все ниже и ниже... Она боялась стонать, комната Роджера была рядом с ее спальней. «О, боже ты мой, – лишь шептала она, едва шевеля губами. – О, боже ты мой...»

Бекки сделалось страшно от нового своего наваждения. Она гнала его от себя. А после очередного приступа давала себе клятву, что это в последний раз. Но наступала ночь, и образ дядюшки Роджера вновь будоражил ее сознание. Она больше не сопротивлялась. Теперь образ дядюшки Роджера являлся к ней не только ночью – на скучных уроках ей начинало казаться, что его ладонь забирается к ней в трусики, от чего становилось нестерпимо, хотелось стонать. И вновь вожделение словно вырвалось из плена: ее взгляд туманился, грудь высоко поднималась, походка, тембр голоса, волосы...

Бекки ждала мужчину!

Преобразование Бекки не прошло незамеченным и для Роджера.

К своему смятению он вдруг осознал, что тот невольный взгляд, которым он бездумно разглядывал племянницу, вдруг как-то материализовался. Он видит не девчонку-подростка, а зрелую и даже опытную женщину. Наваждение и только... Роджер старался избавиться от этих мыслей. Но чем больше старался, тем покорней подчинялся им...

Вообще-то Роджер был весьма равнодушен к женскому полу, что и стало причиной его семейного краха. Похоть изнуряла его, он никогда не пытался с ней справиться, заводя все новые и новые связи. Хрупкая, религиозная Сарра, казалось, этого не замечала. Она

получила пуританское воспитание, муж для нее был существом высшим, почти божеством. Сарра обожала Роджера и верила во все бредни, которыми тот оправдывал себя. И все сходило с рук... Роджер заводил шашни и с подругами Сарры, никак не мучаясь угрызениями совести. Наоборот, он находил в этом особую прелесть. Наивная Сарра и мысли не могла допустить, что ее лучшие подруги за ее спиной охотно принимают участие в эротических забавах мужа. Сама же Сарра относилась к слабостям Роджера весьма сдержанно, что того явно устраивало. Роджер и не стремился раззадорить жену. Зачем? Сарра для Роджера была просто находка...

Сексуальные влечения все больше и больше пленили Роджера. И ему стоило больших усилий удержаться от забав с какой-нибудь из подруг прямо в присутствии жены. Но Роджер понимал: если жена догадается о его проделках, наступит конец его беззаботной жизни. И он, в присутствии Сарры, смирал свой нрав, надеясь потом отыграться...

Однако расплата все-таки наступила и тем ужасней, что Роджер был к ней совершенно не подготовлен.

Сарра страдала низким давлением. При резком изменении погоды Сарра мучилась от головной боли, головокружений и тошноты.

В тот вечер, когда ясное небо вдруг заволокли грязные тучи и началась гроза, Сарре сделалось особенно плохо. И надо было так случиться, что у них припозднилась старая подруга Сарры, одна из тайных напарниц Роджера по его эротическим забавам. Все втроем они возлежали на ковре у камина. Ближе к огню разместились Сарра, а Роджер с ее подругой пристроились позади. Роджер обнял жену и, уткнувшись подбородком в ее плечо, нашептывал слова любви и утешения. Подруга примостилась у ног Роджера и, прикрыв глаза от блаженства, дала волю своим рукам. Она не боялась, что Сарра обнаружит проделку, так как Роджер был начеку: его цепкие объятия не давали жене возможности повернуться... Ласки подруги все сильнее донимали Роджера. Он вдруг оказался в капкане, который сам и поставил. В подобный переплет Роджер еще не попадал – мгновение, и он потеряет самообладание. Роджер пытался коленом отпихнуть подругу, но та вцепилась в него, точно клещ... И тут Сарра пожаловалась, что ей стало хуже.

– Дорогая, сейчас же в кровать! Я дам тебе лекарство и вызову врача, – едва прошептал бедняга Роджер и, собрав последние силы, рванулся от своей искусительницы на волю. Ох, он сейчас вернется, ох он и задаст этой бляди-подруге!

Роджер поднял Сарру на руки, отнес наверх, в спальню, переодел в ночную рубашку и, уложив в постель, дал снотворное. Пообещал позвонить врачу и тихо вышел... Он бы и позвонил, но увидел перед камином ту распластанную сучку. Роджер стремглав сбежал по лестнице. Их страсть была так сильна, что оба потеряли осторожность и неистово завопили... Дверь на втором этаже растворилась, и в проеме появилось лицо Сарры. Она посмотрела вниз. Глаза Сарры застыли, рот судорожно хватал жаркий воздух. Дикий, крик полоснул гостиную. Сарра упала в обморок...

Дальнейшее представилось совершеннейшим кошмаром.

Сарра не подпускала мужа к себе. Она вызвала родителей и все им рассказала. Те увезли дочь, пригрозив Роджеру всеми муками ада. Вскоре оформили развод. Роджер страдал от потери жены. Только теперь он понял, как любил это хрупкое и чистое существо. Все опустело, женщины опротивели. Вот он и решил поселиться у матери, забраться в глушь и забыть все, если возможно...

Бег по утрам, холодный душ два раза в день, гимнастика, умеренная еда, поменьше мяса. Бросить пить и курить. А главное – чтение, со своими похождениями он совершенно забросил книги...

Роджер скрупулезно следовал своим установкам, ни в чем не давая поблажки. И результат оказался.

Он теперь спал почти без сновидений. Казалось, он победил свою страсть...

Только вот... Бекки! При виде племянницы Роджера неизменно занимала одна мысль: а так ли уж она невинна? Присмотрись! Ее походка, виляние попой, а эта грудь, маленькая, но вполне оформившаяся. И взгляд из-под припущенных ресниц.

Тягучим днем, когда Роджер сидел у камина, задумчиво глядя на огонь, он услышал, как Бекки вышла из своей комнаты и начала спускаться по лестнице. Роджер повернул голову и встретился с ней взглядом. Он оторопел – так опалили его глаза Бекки. Племянница молча приблизилась к нему и села рядом. Некоторое время они разглядывали огонь на поленьях, не говоря ни слова...

– Ты любишь женщин? – прервала молчание Бекки слабым голосом.

Роджер поглядел на нее в недоумении.

Бекки не шевелилась, глядя на огонь. Ее лицо медленно повернулось к нему, взгляд погрузился в его удивленные глаза, и Бекки улыбнулась, чуть опустив кончики губ. Роджер покрылся испариной...

– Ты любишь трахать женщин? – Бекки продолжала улыбаться кривой дьявольской улыбкой. – Что ты молчишь? Или никогда этим не занимался? – Ее ладонь уверенно поползла по его колену. – Чего ты боишься, дурачок? Ох, как он у тебя просится на свободу! Не бойся, бабушка в церкви, это надолго. – Бекки расстегнула ширинку и высвободила горячую, пульсирующую плоть... «Мамочка! Замоли наш грех!», – мелькнуло в голове Роджера.

Роджера недолго томили угрызения совести. Ощущения, в которые его погружала Бекки, не шли ни в какое сравнение с его прежними телесными радостями: так желанна стала эта страстная девчонка. Из-за долгого воздержания наслаждения сокрушили Роджера. Еще больше распалась страсть от того, что источником его вожделений служила девочка, такого в его многоопытной жизни еще не было. А то, что родная племянница... В конце концов, не он же первым домогался. «Лучше я, чем какой-нибудь прощелыга. Спокойней! – убеждал себя Роджер. – А то еще подхватит какую-нибудь заразу. Или растрезвонит на весь городок. А со мной все будет спокойно. Главное – не терять голову, как тогда, с той идиоткой, что сломала его семейную жизнь...» Особенно он опасался бдительности матери. Не дай бог, старуха догадается, чем занимается дядя с племянницей! Тогда – конец: ее сердце не выдержит такого позора...

Усердствуя ночью с Бекки, Роджер еще находил силы по утрам продолжать свои занятия.

– Ах, Мэри! – умилялась рыжая Сью. – Твой сын просто кость в горле для наших ленивых мужчин. Едва рассветет, а он уже бежит по парку. А какой наездник? Залюбуешься! Но самое главное – он так благотворно влияет на Бекки. А девочке в ее возрасте полезен мужской родительский глаз.

Мэри и сама прекрасно понимала, как необходима сильная мужская рука ее внучке, в ее возрасте, с ее внешностью. Чего только не может случиться с крошкой?! Теперь же, когда рядом с Бекки умный, любящий дядя, Мэри не о чем волноваться. Видимо, молитвы ее дошли до бога. Он помог Мэри, можно спокойно умереть...

Бекки и вправду было хорошо под опекой дядюшки. Такого опытного любовника девочка и представить себе не могла. Это не мужлан Боб, который ни в какое сравнение не шел с нежным и остроумным Роджером. Он такие шуточки отпускал иногда, что Бекки падала с кровати от хохота.

Но главное – Роджер сам заботился о тщательной конспирации, Бекки только подчинялась. Иногда, правда, в ней просыпалась шаловливость подростка, и Бекки покидала осмотрительность. Роджер без труда справлялся со своей разыгравшейся воспитанницей. Но не всегда...

Как-то на чаепитии, устроенном в честь какого-то религиозного праздника, за столом на ярко освещенной веранде Бекки расположилась напротив Роджера. Приятельницы Мэри, божьи одуванчики, чинно разговаривали о великой святости праздника, втайне надеясь вымолить у бога особую милость своей благочестивостью.

И Бекки сделалось скучно.

Она сбросила туфлю, вытянула ногу и пристроила ее в пах дяди. Роджер напрягся, но не подал вида... Однако не так-то просто поддеть пальцем ноги упрямый замок молнии. Нога Бекки соскальзывала. Того и гляди, эта маленькая бестия перевернет стол в своей необузданной страсти. Но тут и в Роджера вселился бес, не истукан же он, в самом деле. Новизна ситуации воспалила дядюшкину голову. Опустив руку под скатерть, он, по-родственному, помог своей нетерпеливой племяннице. Дверь, как говорится, распахнулась. Роджер сидел с каменным лицом. Бекки запустила голую ступню в его штаны. Роджер не шевелился. Он боялся дышать, чтобы не выдать себя. Старушки гомонили наперебой, славя божий праздник, а Роджер сидел напряженно, словно на унитазах при глухом запоре... «Ах ты, стерва, – думал Роджер, – что руки, что ноги, все нипочем. К тому же, в такой вечер! Представляю, что с этой грешницей будет, когда вырастет!» Но сбросить ногу Бекки у него не хватало сил, и Бекки добилась своего! Роджер достал платок, утер им лоб, стараясь спрятать под платком невольную гримасу, что искажала его лицо. «Господи, наконец-то! – Роджер впервые в жизни обрадовался приходу облегчения. – Теперь надо попытаться привести себя в порядок». Только бы не привлечь внимание гостей...

Роджер пытался незаметно застегнуться. С большим трудом ему все-таки это удалось.

– Извините, – сказал он, чуть передохнув. – Сейчас по телевизору бейсбол, извините...

– Конечно, конечно! – заквакали старушечки. – Вы такой спортивный...

Роджер встал и сделал шаг назад, отодвигая стул. И тут произошло непонятное: вместе с ним поднялась и скатерть, сбросив на пол содержимое. Все кинулись спасать падающую посуду. Роджер мгновенно сообразил, что край скатерти застрял в молнии его штанов. Он присел на стул и, пока все возились с посудой, вырвал скатерть из брюк.

– Простите, простите, – лепетал он, проклиная про себя эту дрянную-племянницу. – Как это произошло? Ничего не понимаю!

Бекки визжала от восторга.

– И чего смешного, – недоумевали старушки, – ведь мог же Роджер нечаянно задеть скатерть, со всяким может случиться...

И СНОВА МАЙКЛ

Дни тянулись медленно, тягуче, с остановками, точно старая колымага. А ночи проносились торопливо, оставляя Роджеру блаженную усталость и желание выспаться. Он уже забыл, когда по утрам бегал по парку. Неутомимая Бекки засыпала под утро, и Роджер на руках переносил племянницу в ее комнату... Напряженная и двусмысленная ситуация изматывала Роджера. Сколько раз за день он клял себя, давал обещания прекратить эту связь, но наступал вечер, старая Мэри запиралась у себя, прислуга, завершив уборку, тоже унималась, и в Роджере пробуждался зуд. Забывались обещания и клятвы, которыми он убажбал себя днем, – ночью он ждал Бекки. И все начиналось сначала, как в кинофильме при повторном сеансе. И в темноте, без света – Бекки боялась, что их может выследить Боб. Вообще-то Боб не проявлял желания встретиться с Бекки. Он боялся разоблачения – вдруг разнюхают, что он лишил невинности несовершеннолетнюю Бекки?! Тогда не миновать беды. И Боб смирился – с Бекки все кончено. Он избегал даже случайных встреч и подумывал, как бы вообще убраться из Спрингфилда подобру-поздорову. Что он и сделал в один прекрасный день...

Впрочем, Бекки сейчас не до размышлений о судьбе Боба! Когда Бекки, забившись в угол огромной кровати, сказала, что она забеременела, Роджера пронзил страх.

Черт возьми, он вновь попал в западню и на сей раз, может быть, более страшную.

Оправившись от первого потрясения, он принялся корить себя за то, что выпустил из виду подобное последствие. А ведь уже далеко не мальчик! Увы, судьба приготовила новое испытание – он не имел с Саррой детей. Что было тому причиной, он не особенно и дознавался – дети могли стать обузой. Страдалица Сарра обращалась к врачам, и те ее уверили, что у нее все в порядке, стало быть все дело в Роджере. Эта версия вполне устраивала Роджера, придавая уверенность любовным похождениям. Хотя нет-нет и заставляла сомневаться в справедливости приговора врачей. Изредка, но случалось, что кто-то из его прелестниц выражал неудовольствие его уверенностью в этом щекотливом вопросе. Тогда Роджер старался обвинить самих своих прелестниц, которые вряд ли проводили любовные утехы с ним одним. И обычно не ошибался. А он чист – порукой тому его многолетняя бездетность!

К этому испытанному оправданию Роджер хотел прибегнуть и сейчас. Он даже повеселел; а так ли он виноват? Ведь Бекки пришла к нему не девушкой. Он не первый, а может быть, и далеко не последний; такая похотливая девчонка вполне могла добавлять со стороны. Но эти мысли не приносили облегчения – надо принимать меры. От него или нет случился с Бекки конфуз – какая, в сущности, разница?! Он тоже забавлялся с малолетней племянницей, и за это его никто по головке не погладит. А когда вместе с пузом Бекки все вылезет наружу, скандал примет такой оборот, что лучше пулю в лоб!

Роджер выходил из своей комнаты мрачным и вялым, что вызывало беспокойство матери. На ее вопросы огрызался непривычной грубостью. Мэри страдала, умоляла его раскрыть причину таких перемен.

«А может, и вправду все рассказать матери? – подумывал Роджер. – Уехать и жениться на Бекки. Да-да! Жениться на Бекки там, где никто не узнает, что Бекки его племянница, католики допускают такие браки. Жениться, жениться! Или наоборот... выдать Бекки замуж!» – эта мысль встряхнула Роджера. Да-да – выдать девчонку замуж, пока беременность ее не бросается в глаза. Но где отыскать охотника?! Сложность задуманного охладила Роджера. Однако он не расстался с этой мыслью, а наоборот, возвращался к ней, обдумывал, как единственно возможный вариант спасения...

– Слушай! – спросил он у Бекки. – А куда подевался твой приятель Стив? Он что, забыл о твоём существовании?

Бекки поджала губы. С тех пор, как судьба связала ее с дядей, она не могла найти в себе силы ответить Стиву хотя бы на одно его письмо. Сколько раз начинала и бросала. Правду писать она не могла, а врать... Бекки видела преданные, честные глаза Стива. Слышала его потерянный голос... Нет, не могла и все!

– Напиши, пригласи приехать, – настаивал Роджер.

– Нет! – выкрикнула Бекки в отчаянии. – Никогда! Хоть утоплюсь.

«Вот бы так!» – мелькнуло в голове Роджера. Он вздохнул. Больше к Стиву не возвращался. Слишком запал в память истеричный крик Бекки – «Нет!»

Задумка Роджера сосватать ее какому-нибудь славному человеку не вызвала в Бекки сопротивления. То ли она прониклась безысходностью, то ли проявляла легкомыслие молодости. Она сейчас уподобилась щепке, которую несла бурная река...

Однако кандидатуры приятелей не занимали Роджера – они за такую услугу пустят по миру даже такое состоятельное семейство, как Гаррисоны. Ушлый был народец, из завсегдатаев игорных дворцов Лас-Вегаса...

Кандидатура Майкла на роль мужа Бекки возникла неожиданно. А возникнув, все больше и больше овладевала Роджером. Глубокая порядочность этого человека сковывала дядюшку. Конечно, Майкл был вариант что надо! Вдовец, богатый, молодой – всего тридцать шесть лет, красив. Но захочет ли он связать свою судьбу с шестнадцатилетней Бекки? Майкл тяжело перенес смерть жены. С тех пор прошло достаточно много времени, но Майкл продолжает жить отшельником, правда, говорят, в последнее время начал путешествовать... Вот бы жениться ему на здоровой девчонке, которая скоро ему родит крепкого малыша. Плохо ли?! Только как подвести его к такой мысли? Майкл непременно придет в ужас: как, жениться на девчонке, еще совсем ребенке? Знал бы он, что это за ребенок! Одной ночи хватит Майклу, чтобы забыть не только покойную жену, но и прочих женщин. Но как подвести этого тюфяка к ночи с Бекки? К этому «ребенку»... Впрочем, ребенок есть, только в пузе у девчонки. При этой мысли Роджеру делалось не по себе: ребенок-то его, Роджера.

Тем не менее, образ Майкла не выходил из головы Роджера, и он понемногу приступил к осуществлению своего плана...

Он написал письмо в Северную Дакоту, приглашая Майкла погостить в Спринг-фильде. Не жалея красок, описал местные достопримечательности – природу, воздух, рыбную ловлю, теннисный корт и верховых лошадей. Не дожидаясь ответа, но полагая, что Майкл уже прочел письмо, Роджер сел за телефон. Он волновался, боясь не застать приятеля дома, а заслышав спокойный глуховатый голос, разволновался еще больше. И напрасно... Майкл был тронут вниманием Роджера и, более того, принял приглашение.

Ободренный первым успехом, Роджер принялся обдумывать проблему – как подвести Майкла к мысли жениться на Бекки? Майкл – это не он, Роджер, похотливый козел! Если Бекки удастся влюбить в себя Майкла, тогда бы он рискнул уговорить приятеля жениться на племяннице. А если нет? Тогда... тогда Бекки должна соблазнить Майкла, слава богу, опыта ей не занимать.

Нет, нет – надо Майкла самого подвигнуть к такой идее!

Роджер почувствовал азарт, у старого бейсболиста проснулся спортивный интерес. Но пока рано ломать голову, он не видел приятеля больше года. Может быть, праведник и однолюб изменил своим принципам? Но Майкл не переменялся, не стал другим. Роджер это понял, как только высокий, черноволосый Майкл вышел из машины.

Внешность молодого мужчины смутила Бекки. «Ого, какой! – подумала она. – Попробуй такого женить на себе!» Но дядя не видел иного выхода – в их семье аборт считался страшной самоубийства, не говоря уже о том, что весть о беременности Бекки покрыла бы позором семейство Гаррисонов. А, что и говорить!

Тонкий, интеллигентный Майкл представлялся джентльменом в полном смысле слова. Рожденный в семье адвокатов, врачей и сенаторов; его дом в Северной Дакоте слыл одним из самых респектабельных, и быть вхожим туда почиталось за большую честь. С Роджером они подружились еще в университете, правда, особенно близки не были, и приглашение погостить в Спрингфилде было для Майкла довольно неожиданным. И его появление было отмечено общим радушием, включая старую Мэри. А о Бекки и говорить не приходилось, Майкл был мужчина в ее вкусе...

В то же время Майкл оставался замкнут, как может быть замкнут серьезный человек, перенесший невосполнимую утрату. Но вскоре он стал отходить, повеселел, разговорился. Роджер прилагал все усилия, чтобы развлечь его, втягивая в это и Бекки. По утрам они втроем бегали в парке, днем, после прихода Бекки из школы, играли в теннис или ездили верхом, а то и отправлялись на озеро с удочками.

Майкл привыкал к Бекки, но обращался с ней как с подростком, что вызывало у Роджера досаду и нетерпение. «Нельзя торопиться, нельзя торопиться! – уговаривал себя Роджер. – Поспешность все погубит.» Свое нетерпение он умирал в нескончаемых выговорах племяннице за то, что та не проявляет с Майклом своих обольстительных возможностей. Не будет же Майкл гостить до бесконечности...

«Как бы подтолкнуть его?! – размышлял Роджер. – Он что, не мужчина вовсе? Или горе так сразило его, что он сделался импотентом? Надо вызвать его на откровение запросто, по-мужски».

Как-то глубоким вечером, когда Бекки и Мэри спали, мужчины расположились в креслах у камина, перед низким столиком с закуской и вином. Беседа, как всегда, началась с анализа бейсбольного матча, что они наблюдали по телевизору из Лос-Анджелеса. Роджер тем временем следил, чтобы бокал Майкла не пустел, вино и впрямь было отличное...

Майкл разошелся: рассказывал о своей жизни, о поездках в Европу, которую он любил и знал. Когда приступили к более крепким напиткам, Роджер, играя в захмелевшего, заговорил о женщинах... Нет, Майкл не пуританин. Однако ему не требовалась женщина постоянно, как Роджеру. И с потенцией у него полный порядок, но она не давила на него. Что касается отношений с женщинами, то они носили мимолетный характер, привязанностей Майкл старался избегать – женитьба не входила в его планы...

– Ты что, совсем не хочешь жениться? – отрезвел Роджер.

– Почему «совсем»? Со временем женюсь. Но только не теперь. Женюсь, если пойму, что не смогу без нее жить.

У Роджера совсем упало настроение. Столько времени потратил на этого святого... А куда отступать?! Того и гляди – фигурку Бекки изуродует пузо, тогда конец всему.

Они разошлись в начале третьего ночи.

Роджер поднялся к себе. Наверняка этой ночью Бекки явится к нему – в последнее время визиты племянки возобновились. К Роджеру вновь вернулось отогнанное испугом сластолюбие. Да и Бекки хотелось забыться. К тому же ей было что обсуждать с дядюшкой.

Бекки уверенно проникла в комнату Роджера.

– Вот еще, – притворно нахмурился Роджер. – Так поздно? Думал, ты спишь.

– Я ждала, когда вы наговоритесь. – Бекки сбросила халатик и юркнула под одеяло. – Ну что? Договорились?

Роджер уныло поведал о разговоре с приятелем. Никаких надежд.

Изложив все, Роджер принялся деловито проводить ладонью по впалому животу Бекки, может быть, она что-нибудь напутала?

– Еще рано, не вынюхивай, – грубо и по-взрослому угадала Бекки его мысли.

И Роджер почувствовал, как дорога ему стала эта девчонка. Он так привык к ее умным глазам, к ее страстному, жадному рту, к ее рукам, сильным, горячим... Может быть и на

самом деле – жениться на ней, а? Уехать куда-нибудь, ну во Францию, что ли? Поселиться там, как на острове! Роджер криво усмехнулся: часто он стал подумывать о таком варианте, часто... Жизнь Роджера протекала как бы в двух измерениях, каждое из которых дополняло друг друга. В одном измерении он чувствовал себя самостоятельным, благородным и сильным мужчиной, прощая себе маленькие слабости. В другом – он знал себе цену, цену этих благородных порывов – он себялюбец, трус и ничтожество. Он может раздражить свое самолюбие, подвести себя к барьеру, но в критический момент, когда потребуются последний шаг, – Роджер неизменно трусил и отступал, сохраняя благородную позу. Он знал за собой эту черту и уже привык к ней, заведомо предвосхищая, чем кончится эта затея... Чего не скажешь о Бекки! То ли в силу возраста и отсутствия жизненного опыта, то ли так сложился характер, но Бекки – смелая, решительная Бекки – была противоположностью дядюшки. И сейчас, в критический момент жизни, ожидая от Роджера поступка, который выведет ее из тупика, Бекки почувствовала, что все – пустое. Роджер не тот человек, Роджер – тряпка и ничтожество! Ей самой надо защищать себя, добрую репутацию своего рода...

– Так ты не можешь ничего придумать?! – Бекки с силой хлопнула ладонью по стене.

Роджер скосил глаза. Лицо Бекки было закрыто облаком ее черных волос, а голос звучал словно издалека.

– Что я могу сделать? – пролепетал Роджер виновато. – Напою его, к чертям собачьим. Это я могу...

– Как это? – в голосе Бекки прозвучала заинтересованность.

– Ну, дам ему вина, водки, – мялся Роджер. – Ну и...

– Что, ну? – подталкивала Бекки.

– Сама должна понять, не маленькая. С таким можно делать, что угодно... Легла бы ты к нему под бочок.

Роджер поглядывал на племянницу, точно ждал от нее оплеухи. Бекки молчала, это дядюшку приободрило.

– А с пьяным, сама понимаешь, можно что угодно сотворить, – все пережевывал Роджер. – Молодая кровь играет, а ты уже тут. Куда ему деться? Благородный человек должен бежать в мэрию записываться, куда же еще? Что ты скажешь?

– Так и сделаем, – решительно завершила Бекки. – Завтра же. Когда бабушка уснет... Хорошо бы ей снотворного дать.

Роджер одобрительно толкнул не по-детски округлое, оформившееся плечико племянницы. «Я и Майклу кое-что поднесу, для пользы дела, – подхватил про себя Роджер. – Взыграет, как молодой бычок!»

Майкл приподнял разбухшую голову. Сиреневый свет падал от широкого окна, наполняя комнату прозрачной сутемью... Где это он? В его комнате совершенно другая обстановка.

Майклу почудилось, что здесь он не один – близко от себя он слышал чужое дыхание. Резко обернувшись, он сразу распознал в складках скомканного пледа огромные темные глаза. Майкл напрягся. В следующее мгновение он запрокинул голову назад и застонал – вспомнил... Все, все вспомнил! Стол с обильной закуской и выпивкой. Роджер... Потом к ним присоединилась Бекки, в халатике, босая, с распущенными волосами. Она улыбалась Майклу, слушая его забавные истории. А он видел ее круглые девчоночьи колени, в отвороте халатика маленькую грудь... Вино, которое пил Майкл, казалось попадает не в желудок, а заливает мозг. Какое-то время еще Майкл крепился, находя в себе силы не поддаваться распалаяющим тело желаниям. Желания раскачивали его, словно лодку, с каждым новым накатом волны. Майкл и не помнил, когда еще так на него действовал алкоголь... Роджер давно ушел к себе, а они с Бекки еще сидели...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.